

«МУЗЫКА ТОЛЬКО ТЕПЕРЬ НАЧИНАЕТСЯ»

Интервью с Вячеславом Артёмовым

Независимая ауд. 1993 — 10 апр. — С. 7.

Тамара
Грум-Гржимайло

Автопортрет

- ВЯЧЕСЛАВ ПЕТРОВИЧ, вы утверждаете, что музыка подобна религии. Как это понимать?

— Мы все движемся к какому-то завершению истории. А это завершение истории должно принести новое качество человечеству, иной духовный строй. Так вот, музыка — одно из сложнейших и незаменимых средств, помогающих человеку пойти навстречу этому событию. Она говорит непосредственно, без каких-либо аллегорий и индизингов о самом главном. И потому музыка подобна религии, а роль композитора — миссионерская.

— Вы говорили, что суть трагизма многих ваших произведений в трагизме любой человеческой жизни.

— Именно так: само человеческое существо трагично в силу невозможности пока перейти к возвышенному, Божественному бытию, к чему человек неосознанно стремится. Но трагизм — это ведь не сплошная чернота; трагизм — это невозможность в данный момент распутать, как говорится, клубок противоречий. И даже в самой «мрачной» из моих симфоний — Второй — просвечивает луч надежды.

— Вы назвали свои симфонии «Путь к Олимпу», «На пороге светлого мира», «Тихое веяние», а четвертую — как?

— «Денница воссияет».

— Названия откровенно программны. Но почему симфоний в цикле четыре?

— Название «Симфонии пути» надо понимать как объединение, как цепочку разных состояний. Не надо относиться к количеству этапов как к какому-то священному числу. Это сложилось непреднамеренно. И если мы вспомним об основных эмоциональных состояниях, то мы увидим естественность такого пути: от первого воодушевленного этапа к трагическому второму — безнадежному, к проблемке надежды на третьем этапе и обретению возможности следовать «предназначению», следовательно за тем светом, который приоткрылся и указал путь, на этапе четвертом и последнем.

— Американские критики по-

Путь человека к самопознанию, свободе, к нравственному идеалу — главная тема создателя «Реквиема», Симфонии элегической, «Звездного ветра», «Pieta», Гурийского гимна «In Memoriam». В эти дни Вячеслав Артёмов завершает последнюю симфонию своей тетралогии — «Симфонии пути», над которой трудится уже пятнадцать лет. Симфонии впервые прозвучат в Лондоне 11 июля под управлением Мстислава Ростроповича. Встреча композитора с дирижером состоялась недавно в Москве.

стоянно сопоставляют субъективные искания лирического героя ваших симфоний с исканиями всей страны — России.

— Состояние души — это и состояние среды и в конце концов — всей страны. Трагедия русской души — ответ трагедии России. К сожалению, Россия в очередной раз оказалась в трагических обстоятельствах. И пока неясно, как она сможет выбраться из них и каковы будут потери. Возможно, ей грозит еще очень тяжелое испытание и «крещение кровью».

— Вы несколько раз отказывались от заманчивых предложений целого ряда американских учебных и музыкальных учреждений и возвращались писать свои симфонии-трагедии на родину.

— Только в России я нахожу покой, пусть напряженный покой. В русском народе, русской земле живет некая тайна, какая-то святость... Мы живем в «машинном» мире. Все вертится, крутится... А я через свой опыт, через музыку пришел к тому, что созерцание необходимо человеку. Созерцание в природе открывает взору связь вашего мира, вашего существования с Творением. Вы понимаете, что вы — часть этого Творения. Вы можете наблюдать движение облаков, движение листьев дерева... Когда вы почувствуете себя этим деревом, почувствуете шорох птичьих крыльев на своих ветвях, дуновение ветра в своей кроне — кто имеет такой опыт отождествления себя с природой, с предметом, тот легко поймет, — музыка должна восприниматься не только слухом, но всем телом, она должна пронизывать все существо человека, который ей открывается доверчиво и преданно.

— Но цивилизация разрушает покой, разрушает всякие условия для восприятия Музыкальных жанров и саму эту Музыку. Видимо, не случайно многие считают, что Музыка уже умерла или умирает на наших глазах.

Вячеслав Артёмов.

— Мы должны прежде всего решить главный вопрос: является ли музыка выражением наших духовных устремлений или это развлечение? Если мы отвечаем положительно на первую часть вопроса, тогда мы должны еще спросить: а является ли дух исчерпаемым, и возможно ли его исчерпать? Если же дух неисчерпаем, а музыка — средство его выражения, в таком случае вопрос, кончилась ли музыка, возможно ли ее продолжение — этот вопрос отпадает.

— «Время наше — безмузыкально», — действительно утверждают некоторые, и вот-вот на мир опустится Немота. «С уходом Шостаковича на нас снизошло безмолвие». И даже Шнитке способен только уловить «отголоски некогда звучащей Музыка, последнее эхо». Так пишет в нашей газете Сергей Федякин («Когда музыка умирает», «НГ» 19.01.93 и 4.02.93) и тоскует по музыке Стравинского, Прокофьева, Мясковского, Скрябина...

— Спектр выразительных возможностей музыки столь расширился, что композитор не ограничен в своем выборе. И сегодня можно сказать: у музыки великое будущее. Похожую

мысль выразил один музыковед словами: «Музыка только теперь начинается». Словом, ни о каком музыкальном регрессе говорить не приходится. Если мы проследим движением музыки на протяжении XX века хотя бы кратко — от произведений Вареза, таких, как «Америк» и «Аркана», к произведениям второй половины века, таким, как Симфония Берлиоза и его «Коро», как Третья симфония Онеггера, «Stabat mater» и «Gloria» Пуленка, сочинения Мессиана, — мы убедимся, что музыка сильна и высока. И — никакого декаданса. Скептики, я думаю, мало информированы, или, возможно, у них ограниченная сфера восприятия. Федякин называет композиторов XX века неосновного ряда. Линия Вареза — Берлиоз — вот основные вершины музыки нашего времени. Отнюдь не Мясковский, не Стравинский даже.

— Эти композиторы, по-видимому, «завершали», а не начинали какие-то линии...

— Ну, конечно, можно сказать, что Шостакович завершал какую-нибудь линию Малера, может быть. Но я не это имею в виду. Я говорю о том, кого нужно называть, если говорить о главном пути музыки XX века. Мы должны говорить о духовном совершенствовании человека, о духовном развитии, а не о новых технических приемах. Стравинский, конечно, внес много разнообразных приемов и оказал на развитие новой музыки большое влияние. Но не в духовном смысле! Мы должны ориентироваться на уровень Баха...

— Вы поддерживаете дружеские отношения со священнослужителями?

— С отцом Виктором Потаповым. Он входит в совет директоров нашего нового фонда, который в Америке называется «Слава фаундейшн».

— Кто придумал это название?

— «Слава фаундейшн» придумал я. По имени трех главных его учредителей — Ростроповича, хирурга Федорова и моему.

— Мстислав,вятослав и Вячеслав! И каковы же цели фонда?

— Наш фонд организован, чтобы помогать талантливым людям. Помогать тем, кто хочет создавать не только вещи музыкальные, но и литературные, философские... Мы хотим содействовать духовному возрождению России.